

ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 882 (09)

А. Янковски

ЕВНО АЗЕФ В РОМАНЕ Ю. ДАВЫДОВА «СОЛОМЕННАЯ СТОРОЖКА»: МОТИВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВУРУШНИЧЕСТВА

Предметом анализа в статье является сенсационно-детективная сюжетная линия Е. Азефа в историко-документальном романе Юрия Давыдова «Соломенная сторожка». На примере характера и деятельности разоблачаемого в романе «короля провокаторов», являющегося ярким примером политического двурушничества и этического вероломства, анализируются последствия «азефовщины» в русском революционном движении конца XIX и начала XX в.

Ключевые слова: Юрий Давыдов, Евно Азеф, «азефовщина», историческая проза, революционный террор.

В художественном мире основанных на богатых архивно-документальных материалах исторических романов Юрия Давыдова, затрагивающих широкий спектр морально-этических проблем, связанных с историей России и актуальных для современности, важное место занимает мотив политического двурушничества, тесно сопряженный с категориями провокаторства, предательства и измены [1]. Этот мотив организует художественную картину необыкновенно сложной и противоречивой эпохи, охватывающей почти сорок последних лет истории империи Романовых – от убийства императора Александра II в марте 1881 г. до октябрьского переворота в 1917 г. В интеллектуально насыщенных размышлениях писателя о разных этапах революционного движения русской интеллигенции главная роль отведена представителям «Народной воли» и социалистам-революционерам (эсерам), которым Давыдов последовательно противопоставляет стоящих на противоположном нравственно-психологическом и морально-этическом полюсе изменников-предателей, игравших «сразу и белыми, и черными фигурами» [2], работавших на два фронта – тайных сотрудников департамента полиции, агентов-провокаторов. Художественно исследуя развитие провокации как системы и признаки идейно-морального вырождения в революционной среде, автор не только сталкивает в сюжетах своих романов исторические фигуры благородных и одновременно трагических деятелей русского революционного движения, таких как Герман Лопатин или Владимир Бурцев, и разоблачаемых ими вероломных провокаторов-двурушников, «королей провокаторов», агентов тайной политической полиции, таких как Сергей Дегаев и Евно Азеф. Давыдов стремится раскрыть мотивы и последствия их деятельности, сущность самого явления, получившего статус нарицательного определения: «нечаевщина», «дегаевщина», «азефовщина».

Демифологизируя это явление революционного движения в России последней четверти XIX – начала XX в., Ю. Давыдов представлял совокупность

«частных историй, судеб, переплетенных между собой во времени и пространстве» [3] в романах, отличающихся не только занимательностью повествования и характерной для детективной прозы изощрённостью сюжетных линий, но и исторической достоверностью, основанной на извлеченных из архивных источников и виртуозно использованных писателем документальных материалах. Отмеченное с полным правом относится к таким произведениям, как «Глухая пора листопада» (1969–1970), к опубликованному в 1986 г. роману «Соломенная сторожка (Две связки писем)», который в первоначальном варианте назывался «Две связки писем. Повесть о Германе Лопатине» (1982), и к итоговому для идейно-художественных исканий писателя «Бестселлеру» (1998). По справедливому замечанию Якова Гордина, их автор, «осознавая единство исторического процесса и условность деления на эпохи, <...> в творчестве своем исповедовал принцип „сюжетного потока“, перетекания материи главных его книг одна в другую – „Глухая пора листопада“, „Две связки писем“ – и как реки в море – в „Бестселлер“» [4].

По закону «сюжетного потока» и «перетекания материи» в многоуровневой, отличающейся новизной формы [5] структуре романа «Соломенная сторожка» [6], посвященного «рыцарю революции» Герману Лопатину, не сломленному «двумя десятилетиями одиночной камеры Шлиссельбургской крепости» [7], нашли продолжение обеспечившие роману «Глухая пора листопада» читательский успех размышления писателя над политическим провокаторством Дегаева. «Все держал, все веревочки дергал этот предатель Дегаев, второе „я“ мерзавца Плеве и обер-шпиона Судейкина, все держал, всех обрекал, и бедные, отважные „романтики“ бились в сетях провокаций, бились и гибли...» [8. С. 461]. На новом этапе революционного движения в годы царствования Николая II свойственные дегаевщине «ядовитые цветочки, ядовитые ягоды достались преемнице „Народной воли“ – партии социалистов-революционеров, боевую организацию которой возглавлял провокатор Азеф» [9]. По свидетельству Славы Тарошиной, вдовы писателя, Давыдов «нашел в архивах уникальные документы и долго был просто оглушен какой-то будничностью повседневно совершаемого вероломства» [10].

В романе «Соломенная сторожка» разоблачению политического двурушничества и морально-этического вероломства посвящена сенсационно-детективная сюжетная линия Евно Фишелевича Азефа, который в течение 15 лет, «действуя в двух мирах, – в мире тайной политической полиции, с одной стороны, и в мире революционной террористической организации – с другой, <...> предавал то революционеров полиции, то полицию революционерам» [11], но рядом с образом «короля провокаторов» стоят такие исторические фигуры, как «этот проклятый Илья Муромец русской революции...» [8. С. 535] Владимир Львович Бурцев, «трижды проклятый старик Лопатин <...> этот шлиссельбуржец <...> председатель третейского суда», который «положил конец сомнениям, колебаниям» [8. С. 537], а также способствовавший раскрытию одного «из наиболее удачливых двойных агентов за всю историю шпионажа» [12] бывший директор Департамента тайной полиции Алексей Александрович Лопухин.

Выдвигая на центральное место в выписанной пунктиром сюжетной линии Азефа (1869–1918), о котором в наше время имеется довольно обширная

литература, автор «Соломенной сторожки» информирует читателя об основных событиях личной жизни и главных этапах деятельности сына бедного портного из Гродненской губернии: от детства и начала добровольного сотрудничества с департаментом тайной полиции, в котором, будучи студентом, он числился «сотрудником из Карлсруэ», через террористическую деятельность в России – вплоть до Моабитской тюрьмы и захоронения «почти законной супругой» Амалией в анонимной могиле номер «446» на загородном кладбище. Давыдов стремится вскрыть в характере этого героя целый комплекс таких противоречивых черт и склонностей, которые способствовали его преступной провокаторской и предательской деятельности. «Главной страстью Азефа, – отмечает М.А. Алданов, – была игра, – во всех смыслах слова. Эта страсть сочеталась с полным отсутствием каких бы то ни было задерживающих начал, кроме соображений личной выгоды» [13], и – добавим – чудовищного эгоизма и самолюбия, сознания своей исключительности (единственности) и могущества, уверенности в ненаказуемости и азарта, цинизма и морального нигилизма, способности к мимикрии и, казалось бы, к парадоксальным поступкам: «...работая в терроре, он работал против террора. Людей, жаждущих подвига, посылал на подвиг, а вместе и на эшафот во все не ради подвига и эшафота. Нет, хотел, чтоб все наконец поняли, что между нами и теми, кто живет после нас, нет никакой связи, что есть лишь прижизненное счастье, независимое от того, станут ли счастливы другие. Всем лучше никогда не будет. Единственная гармония в отсутствии гармонии. Нет ничего дороже своей единственности. Зачем же эти лихорадочные помыслы о грядущих поколениях?.. Так Азеф убеждал не себя, а другого или других, что в лагере для гражданских пленных <...> и предпочел дожидаться лучших времен в моабитской одиночке» [8. С. 535–536].

Бывший народоволец Бурцев, который «юношей угодил в ссылку, бежал, печатал против царя, а теперь <...> в компании с историками Богучарским и Щеголевым издает журнал, посвященный прошлому освободительного движения» [8. С. 490], стоит во главе основанного им в Париже «революционно-пинкертоновского» бюро, расследовавшего тайные преступления в революционном движении. Особый интерес Бурцева к Азефу вытекал из изучаемых им с 1906 г. «секретных», «совершенно секретных», «доверительных» и «совершенно доверительных» документов департамента полиции. Их копии, сделанные Бруно Бартом – сыном Германа Лопатина и его невестой, Бурцев получал от известного только ему господина Икс (господином Икс, по всей вероятности, был Бакай Михаил Ефремович, который, «служив в охранке, выдавал Бурцеву эсеров-провокаторов. В 1907 г. он был арестован и по дороге в ссылку в Туруханский край бежал за границу. За границей вместе с Бурцевым разоблачил Азефа и других провокаторов» [15]). От него, называвшего себя Михайловским, издатель исторического журнала «Былое» узнал, «что в партии социалистов-революционеров есть чрезвычайно важный провокатор, известный в департаменте под кличкой „Раскин“. Больше о нем „Михайловский“ почти ничего не слышал» [13]. Неутомимый учредитель домашнего розыскного бюро в Париже собирает у председателя суда чести Германа Лопатина, у Любы Менкиной – законной жены Азефа, у Бориса Савинкова, у

Лопухина нуждающиеся в подтверждении разного рода улики против подозреваемого им, игравшего «на двух столах» некоего Раскина.

О платном, сверхтайном и жадном на деньги агенте с «кабанными глазками» знает выгнанный «без объяснения причин и права обжалования» [8. С. 519] Алексей Александрович Лопухин – бывший прокурор и начальник департамента тайного сыска в руководимом фон Плеве Министерстве внутренних дел. Хорошо осведомленный и действовавший «во имя спасения родины от революции» [8. С. 518], он не сумел предотвратить ни убийства Егором Сазоновым в Петербурге министра Плеве, ни смертельного покушения на дядю царя – великого князя Сергея, убитого Иваном Каляевым в Москве. Разочарованный своим положением и испуганный угрозами тайного агента, Лопухин во время встречи на вокзале в Териоках (ныне Зеленогорск) отказался рассказать Бурцеву, который «с мягкой цепкостью толкал его к разоблачению конкретных провокаторов» [8. С. 522], об известном ему секретном сотруднике охраны. Хотя умолчал, что подозреваемый Бурцевым Раскин, «вполне вероятно, один из псевдонимов Азефа» [8. С. 550] и что он обещал встретиться с ним в Париже. Лопухин сдержал данное Бурцеву обещание и сообщил о том, что случайно столкнулся с Азефом на немецком курорте Буртшейт и что после лечения он будет следовать на родину через Кёльн. Встреча Бурцева и Лопухина в поезде Кёльн – Берлин стала ключевой в разоблачении Азефа как агента-провокатора. Перечисляя своему озадаченному собеседнику преступное досье и «охранные клички» подозреваемого им Раскина [8. С. 556–558], Бурцев в конце напряженной и продолжавшейся несколько часов беседы добился от Лопухина настоящей фамилии сверхтайного агента в руководимом им при Плеве департаменте полиции: «– Вы не могли не знать этого сотрудника, Алексей Александрович. Позвольте назвать подлинное имя Раскина? – Какого Раскина? – задохнулся Лопухин. – Я никакого Раскина не знал. Я знал инженера Азефа» [8. С. 558].

Количество жертв двурушничества и провокаторства Евно Азефа не исчерпывается упомянутыми именами министра Плеве и великого князя Сергея Александровича. Как один из основателей партии социалистов революционеров, член ее центрального комитета, «руководитель и распорядитель групп, занятых, как он говорил, р а б о т о й в терроре» [8. С. 524], как глава законспирированной Боевой организации, «самостоятельной, обособленной, со своей кассой и своими явками, паспортным бюро и динамитными мастерскими» [8. С. 524], Азеф – по списку Савинкова, приводимого М.А. Алдановым, – несет непосредственную ответственность за «двадцать пять убийств и покушений». Среди них главные: «убийства Плеве, вел. кн. Сергея Александровича, ген. Богдановича, Гапона, Татарова; три покушения на царя, покушения на великих князей Владимира Александровича и Николая Николаевича, покушения на Столыпина, на Дурново, на Трепова, на адмиралов Дубасова и Чухнина. Азеф же принимал участие „в обсуждении всех без исключения планов, в том числе планов московского, свеаборгского и кронштадтского восстаний”. Этому списку соответствует другой, более длинный, – список революционеров, выданных им департаменту. Их исчисляют десятками, если не сотнями. Сколько из них было казнено, не берусь сказать» [13].

Следует сказать, что в «Соломенной сторожке» разоблачаемое писателем двурушничество и провокаторство «обер-Иуды» Азефа стало символом и

политического падения, и моральной деградации, человеческой нечистоплотности, существовавших в русском революционном движении и определяемых термином «азефовщина». Полная антипатии и презрения оценка Азефа, высказанная ему Лопатыным во время эсеровской конференции в Лондоне (1908), раскрывает подлинную суть этого явления: «Есть, видите ли, есть люди с патологической охотой играть роль гениев зла. А вот французские полицейские, представьте, так определяют тех, кто служит и нашим и вашим: свинья, которая разом жрет из двух корыт. Только и всего, Азеф, только и всего: свинья» [8. С. 573].

Однако, как не без основания утверждает Лев Троцкий в майском номере газеты «Киевская мысль» от 1911 г., «тайна азефщины – вне самого Азефа; она – в том гипнозе, который позволял его сотоварищам по партии вкладывать перст в язвы провокации и отрицать эти язвы; в том коллективном гипнозе, который не Азефом был создан, а террором как системой. То значение, какое на верхах партии придавали террору, привело <...> с одной стороны, к построению совершенно обособленной надпартийной боевой организации, ставшей покорным оружием в руках Азефа; с другой – к созданию вокруг лиц, удачно практиковавших террор, именно вокруг Азефа, атмосферы поклонения и безграничного доверия...» [16].

Литература

1. Jankowski A. К вопросу о провокаторстве и измене как категориях изображения художественной действительности в романе Юрия Давыдова «Глухая пора листопада» (Судейкин–Дегаяев) // Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego. Kielce, 2008. nr 17. С. 85–91.
2. Земляной С. Двойные агенты бога и дьявола. Российская болезнь провокаторства: Уроки на будущее. Режим доступа: http://faces.ng.ru/necropolis/2001-01-25/1_provoke.html
3. Лассан Э. Плюрализм возможен, консенсус исключен: роман Ю. Давыдова «Бестселлер» в свете «лингвистического поворота» в гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/la26.html>
4. Гордин Я. Жизнь стала «Бестселлером». Режим доступа: <http://www.mn.ru/print.php?2004-46-32>
5. Жанузаков М.Н. Стилиевые новации в современной исторической прозе // Филологические науки. 1997. № 3.
6. Иванова Н. Жизнь и смерть симулякра в России // Дружба народов. 2000. № 8. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/8/ivanova.html>
7. Кардин В. Fuimus, что значит «Мы были». Режим доступа: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200201528>
8. Давыдов Ю. Соломенная сторожка (Две связки писем). М.: «АСТ. ОЛИМП АСТРЕЛЬ», 2000. 578 с.
9. Инсаров М. Народная Воля. Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/narodwill.shtml
10. Давыдов Юрий. Угадывание давно минувшего бытия. Режим доступа: <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=18222&cid=110>
11. Николаевский Б.И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. Режим доступа: http://hronos.km.ru/libris/lib_n/ni_azeff00.html
12. Евно Азеф. Режим доступа: <http://www.peoples.ru/military/scout/azeff/history.html>
13. Алданов М.А. Азеф. Париж, 1936. Режим доступа: http://hronos.km.ru/libris/lib_a/aladanov_asef.html
14. Бакай Михаил Ефремович: биограф. указатель. Режим доступа: http://www.hrono.info/biograf/bio_b/bakay_me.html
15. Алданов А. Кто разоблачил Азефа? Париж, 1936. Режим доступа: http://hronos.km.ru/libris/lib_a/aladanov_asef.html
16. Троцкий Л. Евно Азеф: Политические силуэты. М., 1990. С. 98–107. Режим доступа: http://hronos.km.ru/libris/lib_t/tritsk_azeff.html